

Эдвард Морган Форстер

Эдвард Морган
Форстер

Путешествие в Индию

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф79

Серия «XX век —The Best»

Edward Morgan Forster

A PASSAGE TO INDIA

Перевод с английского *А. Анваера*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Provost and Scholars of King's College,
Cambridge c/o The Society of Authors.

Форстер, Эдвард Морган.

Ф79 Путешествие в Индию : [роман] / Эдвард Морган Форстер ; [пер. с англ. А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (XX век —The Best).

ISBN 978-5-17-089677-6

Один из самых значительных английских романов XX века, экранизация которого собрала целый букет престижных премий. Роман, который произвел своим появлением эффект разорвавшейся бомбы.

Молодая англичанка вместе с группой туристов осматривает местную достопримечательность — Марабарские пещеры, а после экскурсии неожиданно обвиняет в домогательствах одного из своих спутников — молодого, интеллигентного, блестяще образованного врача-индийца. Банальная на первый взгляд история мгновенно сводит на нет те отчаянные усилия, которые делают благожелательно настроенные представители английского и индийского общества для взаимного сближения.

Два мира сталкиваются насмерть в этом блестящем, горьком и безысходном романе: мир европейских колонизаторов и индийской интеллигенции. Два мира, заведомо обреченные на взаимное недоверие и фатальное непонимание, которые рано или поздно должны завершиться трагедией. «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и не встретиться им никогда», — сказал когда-то Киплинг. И Форстер решительно подтверждает эту беспощадную истину.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Provost and Scholars of King's College,
Cambridge, 1924, 1979

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-089677-6

*Посвящаю
«Путешествие в Индию»
Сайеду Россу Масуду
и семнадцати годам нашей дружбы*

Предисловие автора к изданию 1957 года

Той Индии, какую я описал в книге, уже нет — нет ни в политическом, ни в социальном смысле. Перемены начинались уже в момент выхода в свет первого издания в 1924 году, а в последующую четверть века они значительно ускорились. Началась и закончилась Вторая мировая война (предсказанная Азизом в финальной сцене); рухнула система Британского правления; субконтинент был разделен на Индию и Пакистан, и оба государства стали заметными игроками на мировой арене; были упразднены самостоятельные княжества, дискриминация женщин и касты. Начала развиваться местная промышленность. Все эти изменения происходили на протяжении сороковых годов, и вместе с ними усиливалось влияние на обе страны со стороны США и СССР, о которых в романе нет ни единого слова.

Конечно, роман в определенной мере устарел, но я и не ставил себе целью описание политического устройства Индии, и меня не особенно интересовала и социология.

Отмечу также, что я существенно пересмотрел и сократил список произведений, представленный в предыдущих изданиях, а также переработал «Примечания автора». Возможно, кому-то будет также интересно знать, что в «Холме Деви» (автобиографическом эссе, опубликованном в 1953 году) содержится материал, использованный в заключительной части романа.

Часть первая

МЕЧЕТЬ

I

Если не считать Марабарских пещер — а они находятся в добрых двадцати милях отсюда, — город Чандрапур ничем не отличается от сотен других заурядных населенных пунктов Индии. Город этот полосой около двух миль в длину протянулся вдоль скорее огибающего, нежели омывающего его Ганга, воду которого можно лишь с большим трудом отличить от грязи и ила, каковые он оставляет на берегу. Здесь вы не увидите ступенек, ведущих в купальню, поскольку Ганг в этом месте еще не почитается святым. Здесь нет даже набережной, и оживленный базар закрывает от взгляда широкую и изменчивую панораму мощного потока. Улицы убоги, храмы запустели, и хотя в городе есть несколько приличных домов, они либо скрыты за пышной садовой растительностью, либо прячутся в переулках, отпугивающих своей грязью и отбросами всех, за исключением приглашенных гостей. Чандрапур никогда не был ни большим, ни красивым, но двести лет назад он находился на дороге, соединявшей Верхнюю Индию — тогда еще имперскую — и берег моря. Все приличные и красивые дома относятся именно к тому периоду. Тяга к украшательству иссякла в восемнадцатом веке; впрочем, она никогда не отличалась демократичностью. На базаре вы не увидите картин; резьбой по дереву торгуют очень мало. Кажется, что и само дерево

здесь сделано из грязи, по которой передвигаются обыватели, вылепленные из того же материала. Все, на что падает взгляд, так принижено, так монотонно, что кажется, будто Ганг смыл с почвы все мало-мальски заметные выступы, бугорки и возвышенности. Дома время от времени падают, люди тонут и разлагаются, но общие очертания города остаются неизменными — съжившись в одном месте, он вспухает в другом, словно особая, низкая, но неуничтожимая форма жизни.

Дальше от берега местность неожиданно меняется. Здесь находится овальный майдан и длинное желтоватое здание больницы. Дома, принадлежащие потомкам от смешанных браков, стоят на возвышении неподалеку от железнодорожного вокзала. За железной дорогой, бегущей вдоль реки, местность понижается, а затем снова круто поднимается вверх. На этом подъеме располагаются административный центр и гражданский поселок. Отсюда Чандрапур кажется совсем другим. Здесь это город садов. Собственно, даже не город, а лес, по которому там и сям разбросаны дома. Садовый тропический парадиз, омываемый благородной рекой. Сочные пальмы, индийские мели, манго и священные фикусы, скрытые при взгляде от реки базаром, здесь сами закрывают базар. Растительность буйно выпирает из садов, питаясь водой из древних резервуаров, взрывает душистые пригороды и окружает заброшенные храмы. В поисках света и воздуха растения, наделенные большей силой, нежели человек и его творения, парят над низкой гнилью, приветствуя друг друга ветвями и маняще трепещущими листьями, построив заодно целый город для птиц. После дождей они закрывают то, что расположено внизу, непроницаемой пеленой, но и в остальное время, обожженные солнцем и без листвы, украшают город англичан, постро-

енный ими на возвышенности, чтобы вновь прибывшие не видели убожества, каковое им описывали, и, лишь спустившись вниз, пережили бы крушение иллюзий. Что же касается гражданского поселка, то он не возбуждает никаких эмоций. Он не чарует, но и не отталкивает. Спланирован он разумно и обоснованно: на переднем плане горделиво стоит Клуб — здание из красного кирпича, за ним — продуктовый магазин и кладбище; дома с верандами обрамляют улицы, пересекающиеся под прямыми углами. В нем нет ничего отвратительного, но красив только открывающийся отсюда вид. Поселок не имеет ничего общего с городом, лежащим внизу, кроме бездонного синего неба.

Впрочем, небо здесь тоже меняется, хотя и не так отчетливо, как растительность или река. Иногда вид неба оживляют облака, но обычно это лишь призрачные купола различных оттенков на фоне главного цвета — синего. Днем, касаясь белой земли, голубизна у горизонта становится белесой. После захода солнца оком окрашивается в оранжевый цвет, переходящий выше в нежнейший пурпурный тон. Но синева все равно остается, она неизбежна и видна даже ночью. На огромном, необъятном своде неба повисают, словно фонари, яркие звезды. Расстояние между ними и Землей ничтожно в сравнении с бездной, простирающейся за ними; и это пространство, в принципе лишённое цвета, в последнюю очередь расстается с синевой.

Небо здесь определяет все — не только климат и времена года, но и срок, когда земля становится прекрасной. Сама по себе земля мало на что способна — разве что выбросить из-под поверхности жалкую поросль цветов. Но когда угодно небу, благодать проливается даже на базары Чандрапура, а порой это благословение разливается от горизонта до горизонта. Небо способно на это, ибо

оно сильно и огромно. Небо черпает свою силу у солнца, ежедневно напитываясь его мощью и рассыпая ее над поверженной внизу землей. Покатость земли не нарушается здесь ни горами, ни их отрогами. Лига за лигой расстилается абсолютно плоская равнина — лишь иногда она приподнимается, а потом снова бессильно опускается и становится плоской. И только на юге, где из-под земли вздымаются сжатые кулаки и растопыренные пальцы, эта бесконечная равнина прерывается. Эти кулаки и пальцы называют здесь Марабарскими холмами, в недрах которых прячутся необычные пещеры.

II

Соскочив с велосипеда, упавшего на землю, прежде чем его успел подхватить подбежавший слуга, молодой человек взбежал на веранду. Он был весел и оживлен.

— Хамидулла, Хамидулла, я не опоздал? — воскликнул он.

— Можешь не извиняться, — откликнулся хозяин. — Ты всегда опаздываешь.

— Будь так любезен, ответь все же на мой вопрос. Я не опоздал? Махмуд Али уже все съел? Если да, то я отправлюсь куда-нибудь еще. Господин Махмуд Али, как вы себя чувствуете?

— Спасибо, доктор Азиз. Я умираю.

— Умираете, не дождавшись обеда? Бедный, бедный Махмуд Али!

— Между прочим, Хамидулла уже умер. Он испустил дух в тот момент, когда ты подъехал к дому на своем велосипеде.

— Да, да, он прав, — подтвердил хозяин. — Представь себе, мы оба приветствуем тебя из иного, счастливого мира.

— Есть ли в этом лучшем из миров такая восхитительная вещь, как кальян?

— Азиз, перестань болтать, мы с Махмудом ведем очень печальный разговор.

По привычке хозяина дома кальян был набит слишком туго, и пузырьки в колбе образовывались довольно лениво. Азиз слегка ослабил уплотнитель. Разогретый табачный дым наконец вырвался на волю, заполнил легкие и ноздри Азиза, смывая прочь застрявший там запах горящего навоза, которым Азиз надышался, проезжая по базару. Вкус смеси был просто восхитительным. Азиз с удовольствием откинулся на подушки, погрузившись в транс, но не теряя головы. Разговор двух друзей не показался ему слишком печальным — они обсуждали вопрос о том, можно или нельзя дружить с англичанином. Махмуд Али утверждал, что нельзя, Хамидулла возражал, но с такими оговорками, что никаких трений между ними не возникало. На самом деле как это прекрасно: полулежать на диване на просторной веранде, созерцать восход луны, слышать, как в доме возятся готовящие обед слуги, и ни о чем не волноваться, забыв обо всех невзгодах и неприятностях.

— Вспомни, что произошло со мной сегодня утром.

— Я лишь утверждаю, что в Англии это возможно, — ответил Хамидулла, который был в Англии очень давно, еще до больших волнений, и его сердечно приняли в Кембридже.

— Но это невозможно здесь. Азиз! Сегодня в суде меня снова оскорбил тот сопливый мальчишка. Я его не виню. Ему сказали, что он должен меня оскорбить. Первое время он вел себя абсолютно нормально, был очень милым мальчиком, а потом попал под влияние остальных.

— Да, у них здесь нет выбора, такова моя точка зрения. Они искренне хотят быть джентльменами, но им